

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.01

Правильная ссылка на статью:

Латов Ю. В., Петухов В. В. Выполняют ли российские средние слои роль социального стабилизатора? (По данным социологических опросов) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 1—30. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.01.

For citation:

Latov Yu. V., Petukhov V. V. Do middle strata stabilize the Russian society? (evidence from national sociological surveys). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 1—30. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.01.

Ю. В. Латов, В. В. Петухов ВЫПОЛНЯЮТ ЛИ РОССИЙСКИЕ СРЕДНИЕ СЛОИ РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАБИЛИЗАТОРА?

ВЫПОЛНЯЮТ ЛИ РОССИЙСКИЕ
СРЕДНИЕ СЛОИ РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО
СТАБИЛИЗАТОРА?

DO MIDDLE STRATA STABILIZE THE
RUSSIAN SOCIETY?

ЛАТОВ Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного центра, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; главный научный сотрудник научного центра, Академия управления МВД России, Москва, Россия; профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

E-MAIL: latov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7566-4192

Yury V. LATOV^{1,2,3} — Doctor of Social Sciences, Candidate of Economic Sciences, Leading researcher; chief scientific officer of the scientific center; professor
E-MAIL: latov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7566-4192

¹ Center for Complex Social Studies, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

*ПЕТУХОВ Владимир Васильевич — кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.
E-MAIL: petuhovvv@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9955-9063*

*Vladimir V. PETUKHOV⁴ — Cand. Sci. (Philos.), Head of the Center for Complex Social Studies
E-MAIL: petuhovvv@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9955-9063*

⁴ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Целью статьи является оценка масштабности и конструктивности в России 2010-х гг. социально-политической активности групп (слоев) со средними доходами, образующих основу среднего класса. Статья построена на анализе данных общероссийских опросов, проведенных ИС РАН в 2008—2016 гг. по общероссийской выборке, репрезентирующей население страны по регионам проживания, а внутри регионов — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Социально-политический активизм среднедоходных слоев России рассматривается в двух аспектах: сначала проанализированы данные опросов о том, как представители этих слоев участвуют в разных видах социально-политической деятельности, потом — их мнения о возможных в будущем формах такого участия в качестве ответа на какие-либо «вызовы». Делается вывод, что слои со средними доходами в современной России пока не выполняют ожидаемой функции политического стабилизатора. Наиболее высокий уровень реальной включенности в сети социального взаимодействия и политического участия по сравнению с остальной частью населения демонстрирует не среднедоходная, а высокодоходная группа россиян. В то же время не подтвердились и опасения, связанные с моделью

Abstract. The purpose of the article is to assess the scale and constructiveness of socio-political activity of medium income groups (strata) forming the basis of the middle class in the Russian context of 2010s. The article is based on the analysis of the data of all-Russian surveys conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences from 2008 till 2016 according to the all-Russian sample representing the country's population by regions of living, and within regions — by sex, age, level of education and type of settlement. Socio-political activism of middle income groups of Russia is considered in two aspects: the survey data regarding how these strata representatives participate in different kinds of socio-political activity are analyzed first, followed by the study of their views on the possible future forms of such participation as a response to any “challenges”. It is concluded that the strata with medium income are not yet performing the expected function of a political stabilizer in contemporary Russia. As compared to all other strata, the highest level of real involvement in the social interaction and political participation network is demonstrated not by a middle-income, but a high profit group of the Russian population. At the same time, concerns associated with Olson-Huntington model, that the middle strata will turn out to be a generator

Олсона-Хантингтона, что средние слои окажутся генератором радикализма. Показано, что в современной России люди со средними доходами занимают, как правило, промежуточную позицию между политически наиболее активной и конструктивной высокодоходной группой, с одной стороны, и политически наименее активной группой с низкими доходами, представители которой чаще склонны к радикально-протестным настроениям — с другой стороны. Это значит, что роль социально-политического стабилизатора в современной России наиболее последовательно выполняет только верхняя часть среднего класса, а дестабилизирующая роль сильнее заметна у низшей страты среднего класса. Такая «размытость» социально-политических характеристик подтверждает точку зрения о недоформированности российского среднего класса как особого массового социального субъекта.

Ключевые слова: среднедоходные слои, средний класс, Россия, социально-политический активизм, модель Олсона-Хантингтона, социологические опросы

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-28-00218). Эмпирическую базу составили данные мониторинговых исследований ИС РАН 2013—2017 гг. «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этно-религиозном контекстах».

of radicalism have not been confirmed either. It is shown that in contemporary Russia people with average income occupy, as a rule, an intermediate position between the most politically active and constructive high-profit group, on the one hand, and politically the least active group with low income, whose representatives are rather inclined to radical protest, on the other hand. This means that the role of socio-political stabilizer in modern Russia is most consistently played only by the upper part of the middle class, and the destabilizing role is more noticeable in the lower strata of the middle class. Such a “blurred nature” of socio-political characteristics confirms a viewpoint on the undeveloped character of the Russian middle class as a special mass social agent.

Keywords: middle-income strata, middle class, Russia, socio-political activism, the Olson-Huntington model, sociological surveys

Acknowledgment. This article was prepared under the support of the Russian Science Foundation (grant №14-28-00218). The empirical base of the study was made by monitoring data of the RAS Institute of Sociology research over the period from 2013 till 2017 “Dynamics of social transformation of present-day Russia in the socio-economic, political, socio-cultural and ethno-religious contexts”.

Концепции стабилизирующей и дестабилизирующей роли средних слоев

Под средним классом в современном смысле этого слова (в отличие от «среднего класса» как фактического синонима буржуазии, стоящей между аристократией и «народом») первоначально, в XIX в., понимали различные социальные группы (прежде всего «образованных людей») со средними доходами — ниже уровня доходов высших (буржуазных и аристократических), но выше доходов низших (крестьянских, пролетарских и люмпен-пролетарских) социальных групп [Тихонова, Мареева, 2009: 15—16]. С середины XX в. средний класс в развитых странах стал резко расширяться за счет верхних страт рабочего класса и низших страт предпринимателей и госслужащих, постепенно становясь численно доминирующим. При этом критерий среднего уровня доходов оказался потеснен другими критериями (образование, характер труда и досуга), но все же сохранил существенное значение¹. Поэтому слои со средними доходами (их часто называют среднедоходными слоями) можно рассматривать как исторический зародыш и как современное ядро среднего класса.

В новейшей истории средний класс рассматривался обществоведами и политиками как фундамент социально-политической стабильности западных обществ (см. обзор данных подходов [Лескина, 2005]). Сам концепт среднего класса развивался во многом именно в рамках дискурса преодоления политического радикализма. Предполагалось, что люди со средними доходами, в отличие от богатых, лично заинтересованы в преобразованиях, направленных на выравнивание жизненных шансов, но, в отличие от бедных, не склонны к радикализму. Им есть к чему стремиться, но одновременно есть что терять. Знаменитые столыпинские реформы сто лет назад были направлены именно на стимулирование развития своего рода сельского среднего класса (крестьян-«середняков»)², рост численности которого спас бы Российскую империю от революционной «смуты». Аналогичное значение (стимулирование роста среднедоходных групп) имели многие другие, более успешные реформы в западноевропейских странах (например, рейганомика в США и тэтчеризм в Великобритании в 1970—1980-х гг.)³.

Век назад, когда среднедоходные слои были еще малочисленны, радикальные революционеры резко критиковали их представителей за «мелкобуржуазное» соглашательство и аполитичность, за стремление поддерживать скорее богатых против бедных, чем наоборот. Однако время показало, что развитый средний класс становится активной социально-политической силой, способной к самоорганизации и к настойчивому активизму на самых разных уровнях — от коммунального до общегосударственного. Чем сильнее в обществе средний класс, тем сильнее путь постепенных (но неуклонных) реформ преобладает и над тенденциями к застою, и над стремлением к радикальным «великим потрясениям». Именно

¹ Сближение среднего класса со среднедоходными слоями соответствует неовеберовскому подходу в традиции Р. Льюиса и А. Мода [Тихонова, Мареева, 2009: 20].

² Необходима оговорка, что середняцкое крестьянство может рассматриваться как часть среднего класса с очень большими оговорками: в средний класс изначально включали работников нефизического труда, в то время как крестьянин-середняк обязательно трудился на земле и занимался физическим трудом. Впрочем, здесь возможна аналогия с ремесленниками, которых, как правило, изначально включали в средний класс.

³ О соответствии рейганомики и тэтчеризма именно «заинтересованности средних классов» см., например, [Гловели, 2014: 629].

абсолютным доминированием в обществе среднего класса объясняют сочетание политической стабильности и социально-экономической динамики в развитых странах. Соответственно, именно в слабости средних слоев видят одно из главных объяснений острых проблем стран догоняющего развития, часто мечущихся из крайности в крайность, а потому страдающих либо от авторитаризма, либо от политического хаоса. Социально-политический активизм постепенно крепнущих средних слоев видится тем спасительным «якорем», который позволит этим странам добиться как социально-политической, так и социально-экономической стабильности (см., например, [Тихонова, 2010: 38—61]).

Описанный подход к объяснению роли социально-политического активизма среднего класса в современном мире является самой общей и довольно абстрактной схемой. Наряду с мнением о среднем классе как стабилизаторе в научной литературе можно встретить и иное, во многом противоположное мнение. Так, в современном левом обществоведении получила развитие трактовка среднего класса как актора современного протестного движения — «восстания среднего класса», как назвал его Б. Ю. Кагарлицкий [Кагарлицкий, 2012]. Конечно, протестные выступления 2011—2012 гг., «бунт столичной интеллигенции», можно посчитать случайным казусом недавней российской истории (и даже результатом «происков Запада»). Но ведь и в истории великих революций легко заметить, что лидеры этих революций сами были, как правило, выходцами из средних слоев (мелкий помещик-предприниматель Кромвель, адвокаты Джефферсон, Дантон и Робеспьер, морской капитан Гарибальди), из этих же слоев рекрутировалась значительная часть их приверженцев разной степени радикализма. История России тоже демонстрирует, что, например, во главе радикальнейшей революции сто лет назад стояли выходцы именно из средних слоев (к этой «революционной интеллигенции» относились, в частности, сыновья учителей Ульянов-Ленин, Дзержинский и Бухарин), в то время как стабилизирующая роль выполнялась тогда российскими средними социальными слоями существенно слабее (впрочем, Керенский и Деникин тоже были далеко не единственными представителями «контрреволюционной интеллигенции»). Подобный парадокс, когда развитие средних слоев не стабилизировало, а, наоборот, «раскачивало» социально-политическую жизнь, можно заметить и на примерах многих других стран догоняющего развития: так, в «цветных революциях» последних лет участвуют в первую очередь именно средние слои.

Для объяснения этого парадокса целесообразно вспомнить сформулированную еще в 1960-е гг. гипотезу Олсона-Хантингтона о криволинейной («колоколообразной») зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: по мере модернизации стран догоняющего развития угрозы политических катаклизмов (переворотов/революций, мятежей/восстаний, массовых протестных выступлений, терактов и т.д.) сначала растут, а лишь потом падают (см., например, [Хантингтон, 2004: 61; Коротяев, Васькин, Билюга, 2017]). Применительно к социально-политической роли среднедоходных слоев эту гипотезу можно сформулировать в следующей форме: в странах догоняющего развития увеличение средних слоев, как одно из проявлений модернизации, сначала становится дополнительным фактором роста радикального социального протеста, и лишь затем — стабилизации политической жизни. Такую двойственную роль средних слоев

можно объяснить тем, что сначала, пока они малочисленны, представители слоев со средними доходами часто склонны отождествлять себя с низшими слоями, откуда они вышли, и брать на себя роль выразителей и защитников интересов «униженных и оскорбленных». Лишь затем, по мере роста численности средних слоев, формирования механизмов их самовоспроизводства и развития их самосознания, эти слои начинают дистанцироваться и от «богатых», и от «бедных», защищая в первую очередь свои собственные интересы. Поэтому для стран догоняющего развития становится крайне важно «пережить» тот наиболее опасный начальный период, когда средние слои генерируют радикализм сильнее, чем стабильность.

В данной статье на материалах Российской Федерации рассмотрен вопрос, насколько масштабна и конструктивна социально-политическая активность слоев со средними доходами. Под социально-политической активностью понимается социальная (гражданская) деятельность, направленная на защиту собственных интересов⁴. При этом речь пойдет не только и не столько о политической активности в узком смысле слова (членство в партиях, участие в митингах, в выборах и т. д.), сколько о гражданском (социальном) активизме локально-коммунального уровня. Это связано с тем, что, как показывает опыт развитых стран, общество становится стабильным только тогда, когда люди со средними доходами перестают «перекладывать» свои проблемы на государство и начинают не только критиковать недостатки деятельности государственных служб, но и лично включаться на местах в устранение того, что мешает им нормально жить и трудиться. Речь идет о развитии — благодаря в первую очередь активизму средних слоев — гражданского общества, которое выступает не как оппонент государства, но как его партнер. В этой связи можно вспомнить высказывание З. Баумана о том, что низкий уровень социального активизма служит в наши дни главным мерилом бесправия и несвободы [Бауман, 2002: 49]. Соответственно, развитие рационально-активистской модели социального действия по «освоению» имеющихся в обществе политических и экономических ресурсов является одним из ключевых критериев развитости любой современной страны.

Активизм слоев со средними доходами рассматривается в двух аспектах: сначала будут представлены данные о том, что представители всех слоев сообщили в опросе о своем участии в разных видах социально-политической деятельности, потом — их мнения о возможных формах такого участия в будущем.

Выделение слоев осуществлялось на основе страновой медианы доходов: респонденты с доходами ниже 0,75 медианы были отнесены к низшему слою, с доходами от 0,75 до 1,25 медианы включительно — к низшему слою со средними доходами (низший средний слой), с доходами от 1,25 до 2 медиан включительно — к высшему слою со средними доходами (высший средний слой), от 2 медиан и выше — к высшему слою⁵.

⁴ Согласно одному из определений, социально-политической активностью является «деятельность социальных групп или индивидов, связанная с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты» [Ольшанский, 2002: 21].

⁵ В работах по социальной структуре принято выделять и третий, *средний средний* слой; для контрастности сравнения среди средних слоев выделено только две подгруппы. Необходимо оговорить, что такие понятия, как «страты», «группы» и «слои», используются синонимично, обозначая части общества с близкими социальными характеристиками.

Исследование построено по данным репрезентативных общероссийских опросов, проводимых в последние годы ИС РАН, в которых фигурировали блоки вопросов о социально-политическом активизме респондентов (последний такой опрос, данные которого использованы в этом исследовании, проходил весной 2016 г.). Ошибки выборки во всех волнах не превышали 2—3%.

Социально-политическая активность среднедоходных слоев

Главная социально-политическая проблема постсоветской России состоит, по мнению ряда авторов (см., например, [Нуреев, Латов, 2017: 166]), в том, что общество в 1990-х гг. почувствовало себя обманутым, поскольку либеральные реформы резко ударили по благосостоянию большинства населения. Отчуждение народа от власти отнюдь не снизилось: новая политическая элита регулярно демонстрировала, что нуждается скорее в послушном электорате, чем в самостоятельной политической активности недовольных граждан. В результате россияне после всплеска политического активизма в последние годы существования СССР (включая «оборону Белого Дома» в 1991 г.) довольно быстро потеряли и веру в возможность оказывать влияние на происходящие в стране процессы, и желание участвовать в «разборках» элитных групп⁶. Эта массовая деполитизация была ярко видна уже через пару лет, когда во время «расстрела Белого Дома» в 1993 г. обычные россияне предпочли ограничиться ролью сторонних наблюдателей.

В 2000-х гг. сомнения в демократических институтах дополнительно усилились тем, что относительно успешный «подъем России с колен» (экономический подъем, рост внешнеполитической самостоятельности, гашение затяжного внутриполитического конфликта на Северном Кавказе) происходил в условиях усиления авторитаризма. Однако когда в конце 2000-х гг. началась «полоса препятствий» (торможение экономического роста, российско-грузинский конфликт), то сомнения в успешности «просвещенного авторитаризма» существенно возросли, вопрос о редемократизации снова стал актуальным. В то же время призывы либеральной оппозиции противодействовать усилению государственного авторитаризма встречали даже на пике их популярности (в 2011—2012 гг.) весьма умеренную поддержку, в основном не выходящую, судя по аналитическим обзорам (см., например, [Зайцев, Карастелев, 2013]), за пределы столичного «креативного класса».

Как показывают опросы 2010-х гг., в развитии современного российского общества сталкиваются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, наблюдается сравнительно высокий (особенно после взлета авторитета В. В. Путина в 2014 г.) уровень поддержки существующей власти, настороженное отношение к требованиям качественных перемен со стороны оппозиционных кругов. С другой стороны, сохраняется сформировавшееся еще во время массовых протестных выступлений 2011—2012 гг. осознание того, что в стране, мягко говоря, не все благополучно, а правительственный курс нуждается в существенной корректировке, в результате чего популярность президента снижается в последние годы [Российское общество и вызовы времени..., 2017: 176].

⁶ «Мы попробовали изменить свою жизнь, но стало только хуже. Мы поверили в демократию, а нас обманули. Мы попытались сопротивляться, нас подавили» [Кагарлицкий, 2012]. К сожалению, подобное восприятие событий 1990-х наблюдается не только у сторонников левого радикализма.

Россияне оказались между Сциллой и Харибдой — между основанной на опыте 1990-х гг. уверенности, что «разгул демократии» разрушает общество, и основанной на событиях последнего десятилетия убежденности, что авторитарная власть тормозит развитие страны. Конкуренция авторитарно-проправительственных и либерально-оппозиционных кругов, в которой обе стороны используют не самые чистые методы, порождает у россиян настроения в духе «чума на оба ваши дома». Отчуждение большинства россиян от власти, доминирование самоощущения объекта, а не субъекта политики устойчиво сохраняются, уровень социально-политического активизма россиян во всех социальных группах остается сравнительно невысоким (см., например, [Российское общество и вызовы времени..., 2017: 222—224]).

Экономический кризис 2014—2016 гг. стал дополнительным фактором, отвлекающим россиян от социально-политического активизма (см. [Российское общество и вызовы времени..., 2017: 230]). Далеко не все имеют желание, возможность и достаточно свободного времени, чтобы, помимо основной профессиональной деятельности, заниматься еще и общественной работой, которая к тому же в большинстве случаев не предполагает карьерных или материальных «бонусов» (а нередко, наоборот, приводит к «штрафам»).

Во время мониторингового общероссийского опроса весной 2016 г. россияне на вопросы о том, есть ли у них возможность влиять на политику государственных, региональных или хотя бы муниципальных властей, редко выражали оптимизм: доля ответов «безусловно, да» ни в одной из групп дохода не превысила жалкие 5% (что не слишком отличается от ошибки выборки). Зато противоположный ответ «безусловно, нет» выбирала почти треть россиян, причем чаще всего — представители нижнего слоя среднедоходной группы. Например, возможность влиять на политику государства полностью отрицали 40% этого слоя, в то время как среди респондентов верхнего слоя среднедоходной группы таких было 34%, среди низкодоходной группы — 36%, среди высокодоходной — 29%. Аналогичная закономерность проявилась и в ответах о возможности влиять на муниципальные власти: категорически отрицательный ответ дали 33% респондентов из нижнего слоя среднедоходной группы, 29% из верхнего слоя этой же группы, 31% людей с низкими доходами и 24% людей с высокими доходами.

По табл. 1 хорошо заметна специфика группы с высокими доходами, которая чувствует себя существенно менее отчужденной от власти, чем все остальные россияне. Правда, это проявляется лишь в отношении местных властей регионального и муниципального уровней, причем и относительно этих уровней 60—70% людей с высокими доходами не чувствуют своей вовлеченности в политику. Что же касается людей со средними доходами, то их отчужденность от власти практически тождественна таковой у группы с низкими доходами. При этом высшая среднедоходная группа всегда чуть ближе к высокодоходной группе, а низшая среднедоходная группа демонстрирует самые критические показатели (самая слабая вовлеченность — самая высокая отчужденность). В отношении возможности влиять на политику государства в целом оптимисты, которые видят эту возможность, встречаются одинаково редко (14—17%) во всех социальных группах.

Таблица 1. Мнения россиян о возможности оказывать влияние на политические процессы, весна 2016 г., %

Ответы на вопрос, есть ли у российских граждан сегодня возможность...	Ответы «Безусловно, да» и «Скорее да»				
	Средние слои	Низко-доходная группа	Низшая среднедоходная группа	Высшая среднедоходная группа	Высоко-доходная группа
влиять на политику государства в целом	15	17	14	16	15
влиять на политику региональных властей	19	19	17	21	30
влиять на политику муниципальных (городских) властей	24	24	21	28	39

Несмотря на высокую отчужденность от власти, социально-политический активизм в современной России остается хотя и ограниченным, но устойчивым. Даже среди людей с низкими доходами, для которых всегда характерен наиболее высокий уровень абсентеизма, каждый пятый участвует в деятельности какой-либо организации или какого-либо сообщества, среди людей со средними доходами — каждый четвертый, а в высокодоходной группе — даже каждый третий (табл. 2). Это в определенной степени напоминает популярную в России времен «полосы реакции» 1880-х гг. «теорию малых дел», когда политически активные люди (в первую очередь молодые), не надеясь на успех в попытках повлиять на политику государства в целом, переключались на реально доступные местные (локальные, земские) проблемы. В то же время многие формы социально-политического активизма сближаются с обыденными формами самовыражения, которые субъективно не осознаются как политические и действительно не имеют непосредственно политического характера (т. е. не связаны с осознанным участием в борьбе за власть). Речь идет об участии в деятельности различных общественных организаций и сообществ с, как правило, не политическими, а общекультурными целями (см., например, [Практики формирования..., 2014])⁷.

⁷ Этот сдвиг от «большой политики» к конкретным локальным проблемам хорошо подмечен Б. Ю. Кагарлицким, одним из идеологов современного российского левого движения: «Можно, конечно, ходить на большие митинги, раздавая свои листовки и газеты, разговаривая с людьми, объясняя свои позиции, но гораздо важнее выдвигать собственные требования на местах, разворачивать кампании в защиту школ, детских садов, за решение конкретных социальных вопросов... Десятки и сотни акций в защиту конкретных школ, детских садов, больниц, привлекающие пусть и по несколько сот человек каждая, постепенно превратятся в грозную силу, закладывая основу новой мобилизации, куда более массовой, значимой и содержательной, чем то, что мы видели раньше» [Кагарлицкий, 2012]. Социологи подтверждают, что переключение на локальные проблемы вовсе не означает «ухода в мелочевку»: даже так называемые движения одного требования — направленные на решение тематически, территориально и по времени конкретной задачи — практически всегда трансформируются в нечто существенно иное, более долговременное и широкомасштабное [Яницкий, 2013: 76].

Таблица 2. Участие различных групп и слоев населения России в деятельности общественных организаций, объединений и сообществ, 2016 г., %

Варианты ответов	Доли респондентов, %				
	Средние слои	Низко-доходная группа	Низшая средне-доходная группа	Высшая средне-доходная группа	Высоко-доходная группа
Частое участие					
Сообщества соседей по благоустройству окружающей территории, товарищества собственников жилья (ТСЖ)	8	4	8	9	11
Профсоюзы	7	6	6	8	10
Интернет-сообщество по интересам (ЖЖ, группы в Facebook)	6	4	4	8	12
Благотворительные организации (помощь инвалидам, больным детям)	5	5	4	7	7
Молодежные, студенческие объединения	4	3	4	5	8
Редкое участие					
Организация по профессиональным интересам (врачей, ученых, учителей и т.д.)	2	2	1	2	2
Экологические организации	2	1	2	3	5
Социальное волонтерское движение (помощь пострадавшим при пожарах, наводнениях и др.)	2	1	1	3	1
Общества защиты прав потребителей	2	1	1	2	2
Ассоциация пожилых людей, ветеранские организации	2	1	2	2	0
Объединение по защите и восстановлению памятников истории, культуры, архитектуры и т.д.	1	1	1	1	2
Религиозные (конфессиональные) организации	1	1	1	1	0
Объединение по защите общественных территорий (борьба с несанкционированной / точечной застройкой, строительством дорог, торговых центров)	1	1	1	1	0
Движения «одного требования» (обманутых дольщиков, вкладчиков и кредиторов, «синих ведерок»...)	0	0	0	1	2
Национально-культурные объединения этнических сообществ (диаспор)	0	0	0	1	0
В деятельности перечисленных организаций, объединений и сообществ не участвовал(а)	74	80	77	71	64

Как видно из таблицы 2, с точки зрения массовости общественные организации/объединения/сообщества, участие в деятельности которых распространено в современной России, довольно четко делятся на две группы. Есть небольшой набор (всего 5 видов) организаций, в которых участвуют порядка 4—8% россиян, и есть гораздо более длинный список других организационных институтов, в работе каждого из которых участвуют не более 1—2%.

Безусловно, 8% представителей средних слоев, участвующих в работе товариществ собственников жилья, 7% членов профсоюзов, 5% активистов благотворительных организаций — это показатели, заслуживающие внимания. Активизм средних слоев при этом находится на среднероссийском уровне — у массы респондентов в целом эти показатели (соответственно, 7%, 6% и 5%) почти такие же. Важно подчеркнуть, что в мегаполисах и среди молодежи эти показатели еще выше. Для сравнения следует вспомнить, что в начале 2000-х, до экономического подъема, социально-политический активизм фиксировался на гораздо более низком уровне.

Современная ситуация показывает, что рост благосостояния за последние полтора десятилетия, даже с поправкой на кризис 2014—2016 гг., привел к существенному оживлению социально-политической активности граждан. По таблице заметна тенденция: чем выше благосостояние у слоя/группы, тем чаще ее представители участвуют в каких-либо общественных организациях/объединениях/сообществах. Неуклонное нарастание частоты участия с ростом дохода хорошо заметно, например, по данным о молодежных/студенческих объединениях: в низкодоходной группе в них участвуют 3%, в низшем слое среднедоходной группы — 4%, в высшем слое среднедоходной группы — 5% и в высокодоходной группе — 8%. Есть, правда, исключения, но они чаще всего связаны с «организациями редкого участия» (волонтерское движение, ветеранские организации и т. д.), в которых средние слои участвуют несколько чаще, чем высокодоходные.

Сегодня в России вообще и в средних слоях в частности наблюдается высокий охват интернет-сообществами: 6% в средних слоях в целом (в высшем слое среднедоходной группы — даже 8%), 12% в высокодоходной группе. Однако не следует преувеличивать социально-политическое значение данного феномена: в большинстве случаев это — просто форма коммуникации по интересам (например, по любви к различным играм эскапистского характера), далеких от общественной и политической жизни. В то же время практика последних лет свидетельствует, что самоорганизация в рамках различных интернет-площадок все чаще выступает катализатором многих общественных инициатив, начиная от организации борьбы с пожарами, наводнениями, помощи больным детям и заканчивая борьбой с коррупцией. Уровень организации и эффективности этих сообществ бывает зачастую выше, чем у государственных органов, отвечающих за соответствующий участок работы.

Обращает на себя внимание низкий уровень востребованности у всех современных россиян (включая средние слои) религиозных организаций как форм общественной самоорганизации: почти во всех слоях и группах в них участвует лишь 1% (а в высокодоходной — вообще практически не участвуют). Этот ничтожный процент показывает, что постсоветское «возрождение религиозности» если

и происходит, то как факт сугубо конфессиональной жизни, но не жизни гражданского общества, для которого церковь так и не стала (в отличие, например, от ситуации в Польше) существенным каналом социально-политической активности. Одной из причин этого, возможно, является то, что в традиционных конфессиях России индивидуальное самовыражение не приветствуется, а новые конфессии (как правило, западно-протестантского происхождения) не одобряются властями и потому не получают широкого распространения.

Еще одно важное наблюдение по поводу участия в деятельности различных общественных организаций/объединений/сообществ — это бросающаяся в глаза редкость откровенно политизированного участия. Хотя относительно широко распространено участие в профсоюзах, но в современных российских условиях профсоюзы являются скорее «отделами быта» на предприятиях, чем организациями реальной защиты прав рабочих. В 2000-е гг. отмечалась (см., например, [Петухов, Петухов, 2015]) вероятность генезиса новых политических движений, более гибких и практико-ориентированных, чем традиционные партии, однако опросы свидетельствуют о редкости участия в них. Так, в движениях «одного требования» (обманутых дольщиков, вкладчиков и кредиторов, «синих ведерок»...) даже среди высшего слоя среднедоходной группы участвует лишь 1%, в то время как среди высокодоходной группы — 2%. Похожая ситуация с близкими по значению движениями по защите общественных территорий (борьба с несанкционированной/точечной застройкой и т. д.) — в ней участвует 1% средних слоев (одинаково по низшей и высшей среднедоходным группам), в то время как люди с высокими доходами совсем в них не участвуют. Безусловно, можно привести много «точных» (связанных прежде всего с Москвой, где доля слоев со средними доходами особенно велика) примеров накопления опыта борьбы за гражданские права — формирования сети активных граждан, активистских групп по интересам (см., например, [Волков, Колесников 2016]). Надо только не забывать, что в масштабах России эти процессы затрагивают лишь несколько процентов населения.

Сопоставление данных опросов последних трех лет (табл. 3) позволяет сделать вывод, что характеристики участия — не слишком широкого — россиян в общественных организациях/объединениях/сообществах в целом являются устойчивыми.

Единственная четкая тенденция — это существенное повышение участия в деятельности ТСЖ в средних слоях (почти в два раза) в целом и особенно в высокодоходной группе (более чем в пять раз). Это связано с широким распространением данного института в состоятельных кругах населения. Впрочем, формальное членство не тождественно реальному активизму, ведь ТСЖ играет в первую очередь формально-фискальные функции (распределение среди жильцов расходов на содержание их дома происходит чаще всего без их непосредственного участия). С меньшей уверенностью можно констатировать тенденцию к снижению числа россиян, которые не участвуют ни в одной общественной организации: она заметна в высшей среднедоходной группе (с 76% в 2014 г. до 71% в 2016 г.) и в высокодоходной группе (с 71% до 64%), являясь, скорее всего, в основном результатом отмеченного роста формального участия в ТСЖ. Другие тенденции — временный

спад участия в работе профсоюзов в 2015 г. (т. е. в разгар экономического кризиса), повышение участия в работе благотворительных организаций — выражены менее четко.

Таблица 3. Динамика участия различных групп и слоев населения России в деятельности некоторых общественных организаций, объединений и сообществ, 2014/2015/2016 гг., %

Варианты ответов	Доли респондентов, %				
	Средние слои	Низко-доходная группа	Низшая средне-доходная группа	Высшая средне-доходная группа	Высоко-доходная группа
Частое участие					
Сообщества соседей по благоустройству окружающей территории, товарищества собственников жилья (ТСЖ)	5/7/8	4/5/4	5/6/8	5/7/9	2/8/11
Профсоюзы	8/5/7	6/5/6	8/4/6	8/6/8	8/5/10
Интернет-сообщество по интересам (ЖЖ, группы в Facebook)	7/8/6	4/5/4	6/7/4	7/10/8	10/13/12
Благотворительные организации (помощь инвалидам, больным детям)	3/3/5	2/3/5	2/3/4	4/3/7	4/6/7
В деятельности перечисленных [в анкете] организаций, объединений и сообществ не участвовал(а)	78/78/74	82/81/80	78/79/77	76/75/71	71/65/64

Здесь и далее данные, указанные через косую черту в ячейках таблицы, соответствуют годам, указанным через косую черту в названии таблицы.

Собственно политическое участие в современной России, как и следовало ожидать, выражено относительно слабо (табл. 4).

Таблица 4. Участие в политической жизни различных социальных групп и слоев России, весна 2016 г., %

Варианты ответов	Доли респондентов, %				
	Средние слои	Низко-доходная группа	Низшая средне-доходная группа	Высшая средне-доходная группа	Высоко-доходная группа
Частое участие					
Участие в выборах в качестве избирателя (голосование)	33	33	34	31	22
Обсуждение политических событий с друзьями, коллегами по работе, учебе	27	24	28	27	28

Варианты ответов	Доли респондентов, %				
	Средние слои	Низко-доходная группа	Низшая средне-доходная группа	Высшая средне-доходная группа	Высоко-доходная группа
Редкое участие					
Участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т. п.	5	4	6	4	5
Участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т. п.)	3	1	2	4	6
Работа в выборных органах местного самоуправления	3	3	2	3	3
Участие в работе политических партий	2	1	2	2	5
Участие в референдумах, публичных слушаниях, в подаче обращений в органы власти и т. п.	2	2	2	3	2
Очень редкое участие					
Участие в деятельности правозащитных организаций	1	1	1	1	1
Поддержка связей с политическими единомышленниками в социальных сетях, на форумах в Интернете	1	1	1	1	3
Никакого участия в политической жизни не принимал(а)					
Никакого участия в политической жизни не принимал(а)	50	53	49	51	55

Правда, формально участие в политической жизни наблюдается гораздо чаще, чем ранее рассмотренное участие в деятельности каких-либо общественных организаций/объединений/сообществ. Ведь лишь примерно 50 % россиян (причем представители средних слоев несколько реже, чем представители низко- и высокодоходных групп) заявили, что не принимают никакого участия в политической жизни. Однако самые частые формы политического участия — это как раз наиболее пассивные формы, не связанные с личной инициативой: голосование на выборах (33 % средних слоев)⁸, бытовое обсуждение политических событий (27 %). Интересно отметить, что хотя высокодоходная группа обычно демонстрирует самый высокий уровень активизма, в данном виде участия в политической жизни средние слои (как и низкодоходная группа) существенно превосходят высокодоходную группу (33 % против 22 %). По частоте участия в бытовом обсуждении политических событий средние слои (27 %) почти не отличаются от высокодоходной группы (28 %), несколько превосходя низкодоходную группу (24 %).

⁸ Если бы опрос проводился не весной, а осенью 2016 г., после очередных выборов в Государственную думу, то процент участвовавших в голосовании был бы еще выше (во время этих выборов явка избирателей, по официальным данным, составила 48 %). Поскольку, однако, весной 2016 г. респондентов спрашивали «Приходилось ли Вам в течение последних года-полутора лет участвовать в политической жизни?», то они могли засвидетельствовать только об участии в выборах глав субъектов РФ, которые в сентябре 2015 г. проходили в 21 регионе России.

Что же касается более активных форм социально-политического активизма, связанных с проявлением личной инициативы, то здесь доля участвующих не превышает, как правило, 5 % во всех социальных слоях и группах. В частности, работа в политических партиях привлекает лишь 2 % представителей среднедоходных слоев, участие в общественно-политических акциях — 3 %, а участие в выборных кампаниях в качестве волонтера (наблюдателя, агитатора, сборщика подписей) — 5 %. Между низшей и высшей подгруппами слоев со средними доходами различия невелики, зато заметно, что средние слои более активны, чем низкодоходная группа, но уступают в активности высокодоходной группе или равно активны с нею.

Нетривиально, что политическая активность в интернет-сети попала в разряд наиболее редких видов активизма. Это резко противоречит распространенным представлениям о «партии интернета», которая противостоит «партии телевизора»⁹. На самом деле политический сегмент интернет-сообществ гораздо меньше, чем это часто представляется. Если участником интернет-сообществ считают себя 6 % представителей средних слоев и 12 % высокодоходной группы, то лишь соответственно 1 % и 3 % из их числа используют эти сообщества (социальные сети, форумы) для коммуникаций со своими политическими единомышленниками. Правда, в некоторых подгруппах слоев со средними доходами уровень политического активизма существенно выше — прежде всего, в столичных мегаполисах, Москве и Санкт-Петербурге.

Попытка выявить динамику политического участия путем сопоставления данных 2014 г. и 2016 г. (табл. 5) демонстрирует парадоксальную картину. С одной стороны, за эти два года резко (в средних слоях — на треть, с 70 % до 50 %, а в низкодоходной группе — еще сильнее) сократилась доля тех, кто признавался в неучастии в политической жизни. С другой стороны, если смотреть динамику конкретных видов политического участия, то они либо росли незначительно (обсуждение политических событий, участие в работе политических партий), либо даже снижались (участие в выборных кампаниях).

Таблица 5. Динамика участия в политической жизни различных социальных групп и слоев России, 2014/2016 гг., %

Варианты ответов	Доли респондентов, %				
	Средние слои	Низкодоходная группа	Низшая среднедоходная группа	Высшая среднедоходная группа	Высокодоходная группа
Частое участие					
Обсуждение политических событий с друзьями, коллегами по работе, учебе	23/27	14/24	22/28	26/27	32/28

⁹ См., например: Разуваев В. (2017) «Партия Интернета» против «партии телевизора». О гласной и негласной конкуренции политических ток-шоу на ТВ и во Всемирной сети [Электронный ресурс]// Независимая газета. 23 мая. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2017-05-23/9_6993_party.html (дата обращения: 04.08.2017).

Редкое участие					
Участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т. п.	7/5	5/4	7/6	8/4	8/5
Участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т. п.)	2/3	2/1	2/2	2/4	2/6
Участие в работе политических партий	2/2	2/1	2/2	1/2	4/5
Очень редкое участие					
Поддержка связей с политическими единомышленниками в социальных сетях, на форумах в Интернете	3/1	1/1	3/1	3/1	2/3
Никакого участия в политической жизни не принимал(а)	70/50	81/53	71/49	67/51	63/55

Дело в том, что отраженный в опросах рост политического участия является статистической иллюзией: в анкету 2016 г. добавили среди видов политического активизма «участие в выборах в качестве избирателя» (которое ранее, судя по всему, респонденты не воспринимали как полноценное участие в политической жизни), в результате респонденты «осознали», что участвуют в политике гораздо активнее. Если же не принимать во внимание эту иллюзию, то несомненным фактом является только существенное повышение частоты обсуждений политических событий у людей с невысокими доходами. Если в низшей среднедоходной группе эта частота выросла на четверть (с 22 % до 28 %), то в высшей среднедоходной группе она почти не изменилась (а в высокодоходной даже упала). Конечно, это — крайне пассивная форма политического участия, но динамика последних лет все же сигнализирует о росте политической включенности менее обеспеченных слоев населения (т. е. о «политизации бедноты»).

За невысокими масштабами политического активизма скрывается отмечаемая рядом исследователей тенденция к повышению качества участия. Как свидетельствуют результаты всероссийского исследования Института социологии РАН 2014 г. «Гражданский активизм: новые субъекты социального действия»¹⁰, это участие становится более осмысленным, социально мотивируемым и для большинства совершенно бескорыстным. Действительно, основное место в объяснении участия в общественно-политической жизни (табл. 6) занимают «прометеевские» мотивы — стремление сделать мир лучше, возможность помочь людям (примерно по 10 % в разных слоях и группах). Несколько реже встречаются мотивы, близкие к рациональному эгоизму, — стремление защитить свои права, возможности разнообразить жизнь за счет общения с единомышленниками и поиска новых

¹⁰ Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия (2014) [Электронный ресурс] // Polit Analitika. 25 июня. URL: http://www.politanalitika.ru/doklad/grazhdanskiy_aktivizm_novye_subekty_obshchestvenno-politicheskogo_deystviya/ (дата обращения: 04.08.2017).

друзей. Откровенно меркантильные и карьерные стремления встречаются редко (1—3%), равно как и стремление протестовать против существующей власти (3% в высокодоходной группе, 2% в высшей среднедоходной группе, 1% в низшей среднедоходной и в низкодоходной группах).

Таблица 6. Мотивации участия в общественно-политической жизни различных социальных групп и слоев России, весна 2016 г., %

Мотивации активизма	Доли респондентов, %				
	Средние слои	Низкодоходная группа	Низшая среднедоходная группа	Высшая среднедоходная группа	Высокодоходная группа
Часто встречающиеся мотивы					
Гражданский долг, стремление сделать мир лучше	11	10	11	10	10
Желание поучаствовать в конкретных делах, возможность помочь людям	10	8	8	12	9
Мотивы средней частоты					
Возможность защитить свои права, права своих близких	7	5	6	9	10
Возможность, сделать жизнь интересней, разнообразнее	7	5	7	7	7
Возможность общаться с людьми, разделяющими те же ценности и убеждения, что и я	7	7	6	8	7
Возможность найти новых друзей	5	4	4	6	7
Личностный рост, развитие, новый опыт	5	5	4	5	10
За компанию, потому что в этом участвуют знакомые, близкие	4	2	5	4	5
Возможность подзаработать	3	3	3	2	2
Редко встречающиеся мотивы					
Стремление сделать политическую или общественную карьеру	1	0	0	1	1
Стремление выразить протест против существующей власти	1	1	1	2	3
Общественно-политическая деятельность меня не привлекает	71	75	73	68	62

Доминирование альтруистической мотивации принципиально важно, поскольку еще совсем недавно политическое и общественное участие, если оно не сулило каких-то прямых материальных или карьерных выгод, рассматривалось значительной частью населения, включая активистское «продвинутое» меньшинство, как деятельность сугубо маргинальная. В последние годы наблюдается обратный процесс — рост самоценного интереса к разнообразным неформальным формам низовой самоорганизации, волонтерства, движений «одного требования», действующих в большинстве случаев на принципах добровольности и альтруизма. В этой связи давно замечено, что доминирование альтруистической мотивации создает парадоксальную (с точки зрения западно-классических образцов гражданского общества) картину, когда защитой прав локальных сообществ в современной России занимаются не столько сами «страдающие», сколько «посторонние» люди, не имеющие никакой личной заинтересованности, но рассматривающие «защиту справедливости» как самоценное занятие¹¹.

Хотя в современной России (по крайней мере, в крупных городах) формируются неформальные сообщества участников протестных выступлений, речь идет скорее о своеобразном «хобби», о протестности как элементе молодежной субкультуры, чем как профессионально-серьезном занятии политикой. Подавляющее большинство россиян не рассматривают общественное или политическое участие в качестве «социальных лифтов», возможностей для индивидуального продвижения. Социально-политическая реальность современной России такова, что активизм «снизу» (тем более — протестный) скорее терпится, чем стимулируется, поскольку политическая деятельность (независимо от ее идеологии) монополизирована элитными социальными группами (профессиональными политиками, госчиновниками, бизнесменами, деятелями культуры). Поэтому в альтруистическом активизме пока больше от молодежной «тусовки», чем от сознательной защиты социально-политических прав.

В то же время распространенность альтруистически мотивированных форм низового активизма показывает, что в России постепенно формируется потенциал для будущей демократизации политической жизни. В этой связи можно вспомнить активистов «молодежной революции» 1968 г. из стран Запада, многие из которых смогли впоследствии стать профессиональными политиками. В современной России подобные карьеры низовых активистов пока принципиально невозможны, но в следующем поколении россиян они — при определенных обстоятельствах — могут стать одним из путей обновления российского «политического класса».

Сформулируем финальные выводы о фактически осуществляемой социально-политической активности среднедоходных и иных групп россиян.

¹¹ «Когда смотришь на конфликт гаражников в Петербурге, когда власти сносят гаражи, а люди эти гаражи защищают, первое, что ты думаешь, — гаражники встают на защиту своих гаражей, дают бой властям, олигархам, героически сопротивляются. На самом деле картина получается почти обратная. Как раз среди гаражников в Питере лишь меньшинство защищало свои гаражи. Мне говорили, что так или иначе процессом затронуты, допустим, 100 человек, а на защиту, скажем, гаражей вышло 12—15 человек. А вот зато помогать им со всего города съехалась куча всякого народу, которые не имеют никакой материальной заинтересованности в этих гаражах, но которые видят здесь проявление гражданского сопротивления, проявление несправедливости, или им просто власти надоели. Вот тут набирается толпа народу. И эта толпа действительно бросается под бульдозеры, ложится на пути ОМОНа, и потому уже заводит некоторое количество заинтересованных лиц: „Ого! Из-за нашего-то дела люди дерутся с милицией. А почему бы нам тоже им немножечко не помочь“. Очень похожая ситуация с Химкинским лесом» [Кагарлицкий, 2012].

1. У россиян со средними доходами наблюдается *высокий уровень отчужденности от власти*: только 24 % признают наличие у них возможности влиять на политику муниципальных властей, лишь 15 % — влиять на общегосударственную политику. У высшей среднедоходной группы уровень отчуждения несколько меньше, ближе к высокодоходной группе, у которой наблюдается самое низкое отчуждение от власти. Низшая среднедоходная группа демонстрирует, наоборот, самую слабую вовлеченность в политику (ниже низкодоходной группы), что является одним из индикаторов высоких протестных настроений в этой группе.
2. Результаты опроса демонстрируют *тенденцию прямой зависимости частоты участия в деятельности общественных организаций и сообществ от уровня доходов*. Поэтому *средние слои характеризуются средним же уровнем включенности в эту деятельность* — в организациях/сообществах с высоким уровнем участия она (порядка 4—9 %) выше, чем в низкодоходной группе (3—6 %), но ниже, чем в высокодоходной (7—12 %). Из этой закономерности есть, правда, исключения, связанные с организациями редкого (на уровне 1—3 %) уровня участия (волонтерское движение, ветеранские организации и т. д.), в которых средние слои участвуют чаще, чем высокодоходные и низкодоходные группы.
3. *Средние слои характеризуются также и средним уровнем собственно политического активизма*: как правило, они политически активнее низкодоходной группы, но менее активны, чем высокодоходная группа, или равноактивны с ней, при этом различия между нижней и верхней стратами среднедоходной группы малы. Исключением является участие в выборах в качестве избирателей: в этот пассивный вид деятельности наиболее вовлечены низко- и среднедоходные группы (по 33 %), в то время как высокодоходная группа участвует гораздо слабее (22 %).
4. *Как и в других социальных группах, политическая активность слоев со средними доходами чаще всего мотивируется либо альтруистически* (помощь обществу и людям), *либо по принципу «разумного эгоизма»* (защита своих гражданских прав, личное развитие). Ориентации на возможности заработать или сделать карьеру встречаются очень редко.

Потенциально возможная социально-политическая активность среднедоходных слоев

Относительно низкие показатели активного и регулярного политического участия, рассмотренные в предыдущем разделе, не следует трактовать как тотальную деполитизацию россиян, гарантирующую долгосрочную перспективу твердой политической стабильности (с угрозой очередного застоя). В истории России (как, впрочем, и многих других стран) не раз наблюдались ситуации, когда казалось, что «Русь не шелохнется, Русь как убитая», а потом за несколько недель происходил резкий поворот от стабильности к «великим потрясениям» (например, во время Февральской революции 1917 г. или, в меньших масштабах, во время протестных выступлений 2011—2012 гг. против фальсификации выборов).

Конечно, для таких крутых поворотов должны быть определенные предпосылки — наличие такой включенности значительной массы населения в политику, которая позволяет при появлении резонансного повода быстро «провести мобилизацию». Важным показателем потенциала политической включенности являются данные о наличии или отсутствии самого интереса к политике.

В современном информационном обществе мнение В. И. Ленина о том, что «политика там, где миллионы»¹², уже далеко не столь актуально как ранее, — массовость регулярного непосредственного участия перестает быть основополагающим критерием уровня зрелости и развитости политических и гражданских инициатив. С одной стороны, в XXI веке даже маленькие группы активистов, благодаря современным средствам коммуникации, могут в определенный момент оказывать заметное влияние на жизнь страны, своего города, поселка и т. п. (об этом свидетельствует, в частности, опыт «цветных революций»). С другой стороны, появились новые формы поддержания постоянной политической включенности: фиксируемое массовыми опросами снижение интереса к «большой политике» сопровождается, особенно в молодежной среде, латентной политизацией значительных сегментов разного рода субкультур и неформальных движений. В частности, в современной России внесистемная либеральная оппозиция благодаря наличию в ее рядах большого количества известных деятелей массовой культуры (писателей, музыкантов, журналистов, актеров) компенсирует спад после 2012 г. уличной протестной активности организацией публичных встреч, дебатов, лекций, концертов и т. д., поддерживая тем самым интерес к актуальной для них политической повестке дня и к деятельности оппозиции в целом. В этой связи можно вспомнить, например, шумный скандал 2014 г. вокруг новой песни популярного барда-музыканта А. Макаревича «Моя страна сошла с ума» как критической реакции на «Крымнаш».

Наличие или отсутствие хотя бы элементарного интереса к политике является пусть и косвенным, но важным показателем потенциала политической включенности. В течение длительного времени он может быть сугубо созерцательным, но в какой-то момент равнодушные наблюдатели «вдруг» превращаются в активных участников политического процесса (вполне по Н. А. Некрасову: «встали — небужены, вышли — неспрошены...»). В такие бифуркационные моменты заметно возрастает роль политической информированности общества, наличия или отсутствия легальных институциональных форм политического участия.

Данные всероссийского опроса весны 2016 г. показывают, что круг тех, кто в той или иной мере интересуется политикой, гораздо шире, чем тех, кто в ней непосредственно участвует. Хотя общественно-политическая деятельность непривлекательна для 71 % представителей средних слоев, только 50 % не принимают никакого участия в политической жизни и лишь 33 % не интересуются политикой (табл. 7). По уровню общего интереса к политике средние слои, как обычно, занимают промежуточную позицию между максимальным абсентеизмом низкодоходной группы (38 % неинтересующихся политикой) и максимальной включенностью высокодоходной группы (30 %). В то же время среди средних слоев (одинаково в низшей и высшей среднедоходных группах) больше всего (22 %) тех, кто за по-

¹² Ленин В. И. (1974) Доклад ЦК [Седьмой съезд ВКП(б), 6—8 марта 1918 г.] // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 36. М.: Издательство политической литературы. С. 16.

литической информацией «внимательно следит», — в этом средние слои заметно превосходят и низкодоходную группу (17%), и высокодоходную (18%)¹³.

Для понимания перспектив развития политической активности средних слоев принципиально важно проследить структуру и динамику ответов на анкетные вопросы о возможных формах реагирования россиян на гипотетическое ухудшение условий их жизни.

Таблица 7. *Проявления интереса к политике в различных социальных группах и слоях России, весна 2015 г. / весна 2016 г., %*

Варианты ответов	Доли респондентов, %				
	Средние слои	Низкодоходная группа	Низшая среднедоходная группа	Высшая среднедоходная группа	Высокодоходная группа
Внимательно слежу за информацией о политических событиях в стране	30/22	25/17	28/22	33/22	33/18
Внимательно за информацией о политических событиях не слежу, но изредка обсуждаю их с друзьями, родственниками	42/45	39/45	42/45	41/45	38/52
Политикой не интересуюсь	27/33	35/38	29/33	25/33	26/30

Таблица 8. *Динамика политических форм готовности реагировать на значительные ухудшения в жизни у населения в целом и в среднем классе, 2008—2014 гг., %*

Варианты ответов	Население в целом			Многокритериальный средний класс*		
	2008	2013	2014	2008	2013	2014
Политический активизм						
Приму участие в митингах, демонстрациях, голодовках	5	6	10	4	5	10
Буду отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	3	5	4	4	6	5
Вступлю в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов	2	2	4	2	3	4
Возьмусь за оружие для отстаивания своих интересов	3	3	3	3	2	3

¹³ Правда, сопоставление данных с годовым интервалом показывает, что интерес к политике имеет тенденцию снижаться: так, в средних слоях за 2015—2016 гг. заметно выросла доля неинтересующихся политикой (с 27% до 33%), причем почти на треть сократилось стремление внимательно следить за политической информацией, хотя одновременно несколько выросла доля тех, кто за этой информацией регулярно не следит, но иногда ее обсуждает в своем социальном кругу. Такой спад характеризует временный тренд, связанный с завершением начавшегося в 2014 г. кризиса и с общим снижением политической напряженности: в 2016 г. россиян гораздо меньше, чем в 2015 г., «пугали» сообщениями об очередном обострении ситуации на Украине и конфликтах России с США и с Турцией в связи с событиями в Сирии.

Варианты ответов	Население в целом			Многокритериальный средний класс*		
	2008	2013	2014	2008	2013	2014
Политический абсентеизм						
Ничего предпринимать не буду	17	20	14	13	15	12
Никак не буду реагировать, буду терпеть дальше	4	3	5	2	0	3

* Речь идет о критериях среднего класса согласно [Тихонова, Мареева, 2009: 88].

Опросы 2008—2014 гг. показали (табл. 8), что наблюдалась не очень сильная, но все же заметная тенденция снижения доли людей, склонных при ухудшении жизни ничего не делать, и одновременно роста доли людей, потенциально готовых к политическим «ответам» на «вызовы» своему благосостоянию — уверенных, что в кризисной ситуации для борьбы за свои права необходимо активнее задействовать политические институты (партии, профсоюзы), а также участвовать в митингах и демонстрациях для открытого предъявления властям своих требований. Показателен, в частности, неуклонный подъем доли тех, кто был готов участвовать в митингах и демонстрациях, — с 5% в 2008 г. к 6% в 2013 г. и к 10% в 2014 г. Доля склонных к абсентеизму среди представителей многокритериального среднего класса была заметно меньше, чем среди населения России, но по готовности к конкретным политическим действиям средний класс практически не отличался от россиян в целом.

Если опросы 2008—2014 гг. тестировали ожидаемую реакцию россиян на негативные экономические события («ухудшение жизни»), то опрос, проведенный весной 2016 г. (табл. 9), показывает их реакцию на возможные негативные политические события («ущемление прав») ¹⁴.

Таблица 9. **Политические формы готовности реагировать на ущемление своих прав в различных слоях и группах россиян, весна 2016 г., %**

Варианты ответов	Доли респондентов, %				
	Средние слои	Низко-доходная группа	Низшая средне-доходная группа	Высшая средне-доходная группа	Высоко-доходная группа
Часто выбираемые виды возможных политических действий					
Петиции, обращение в органы власти	20	18	19	21	19
Участие в выборах местных и федеральных органов власти, деятельности политических партий	13	12	13	12	15
Редко выбираемые виды возможных политических действий					
Участие в забастовках, митингах, демонстрациях и иных формах социального протеста	10	11	10	10	13

¹⁴ В западном дискурсе «ущемление (политических) прав» равносильно «ухудшению жизни», но в постсоветской России эти два понятия обычно используются в разных контекстах/дискурсах (первое — в политическом, второе — в экономическом). Это лишний раз демонстрирует, что для россиян соблюдение их прав пока не стало органическим условием нормальной жизни.

Варианты ответов	Доли респондентов, %				
	Средние слои	Низко- доходная группа	Низшая средне- доходная группа	Высшая средне- доходная группа	Высоко- доходная группа
Участие в мирных акциях гражданского неповиновения (неуплата налогов, жилищно-коммунальных платежей и т. п.)	10	10	10	9	8
Участие в акциях профсоюзных организаций, в деятельности советов трудовых коллективов	8	5	7	8	8
Участие в деятельности неполитических общественных объединений (типа обществ защиты прав потребителей)	6	6	6	6	7
Очень редко выбираемые виды возможных политических действий					
Вооруженное сопротивление	2	2	1	2	2
Политический абсентизм					
Ничего, поскольку эффективных способов воздействия на власть сегодня нет	27	28	30	23	19
Ни к какому, так как сам(а) привык(ла) решать свои проблемы	25	25	25	26	34

Легко заметить, что «ответы» на возможные политические «вызовы», как и на экономические, планируются россиянами в основном в правовом поле. В частности, в ответ на ущемление своих прав представители средних слоев чаще всего демонстрируют готовность обращаться в органы власти с петициями (20 %) и участвовать в выборах местных/федеральных органов власти, включаясь в деятельность политических партий (13 %). Заметно ниже готовность включаться в мирные протестные выступления — забастовки, митинги, акции гражданского неповиновения (только 10 %). Показатели потенциальной готовности к политическому активизму относительно схожи во всех социальных группах и слоях, перепады составляют лишь 2—3 процентных пункта (чаще они немного выше у группы с высокими доходами).

Следует обратить внимание на стабильно низкий процент ультрарадикалов, готовых с оружием в руках отстаивать свои интересы. В 2016 г. их доля в населении во всех социальных слоях и группах варьируется в узком интервале 1—3 %, причем средние слои по склонности к такому крайнему радикализму не отличались ни от низкодоходной, ни от высокодоходной групп. В 2014 г. наблюдался более широкий разброс (в низкодоходной группе при ухудшении жизни за оружие были готовы браться 5 %, в средних слоях — 3 %, в высокодоходной группе — 1 %), но интервал значений был почти таким же. Видимо, доля готовых браться за оружие отражает в современной России не столько силу политического протеста, сколько уровень психологической девиантности. Кроме того, наблюдения последних лет показывают, что разница между декларируемой активностью и реальной всегда по меньшей мере двукратна; для наиболее радикальных видов активности поправочный коэффициент должен быть еще более высоким.

Тем не менее популярность крайних форм отстаивания своих прав нельзя ни недооценивать, ни переоценивать. С одной стороны, как показали события 2014 г. на Украине, для дестабилизации политической ситуации в стране достаточно нескольких сотен идеологически мотивированных «боевиков» при условии, что значительным слоям обычных граждан «революционное насилие» представляется не только справедливым, но и единственно возможным способом поменять «непопулярную» власть. С другой стороны, как показывают опросы, в современной России правительство достаточно популярно, чтобы население воспринимало выступления внесистемной оппозиции отстраненно — с вниманием, но без поддержки. Правда, во время опроса в 2014 г. 52% россиян выразили полное или (чаще) частичное согласие с тем, что «в обществе существуют конфликты, которые могут быть решены только посредством насилия»¹⁵. Однако в последующие годы печальный украинский опыт показал, что «революционное насилие» дает в первую очередь негативные плоды (прежде всего падение уровня жизни и безопасности). Поэтому говорить о «латентной легитимации радикальных, а в некоторых случаях агрессивных форм политического репрезентирования» [Средний класс, 2016] в современной России можно скорее как о потенциальной опасности, чем о реальном явлении.

В заключение следует напомнить мнение экспертов, что пик разочарований россиян в эффективности столичных протестов 2011—2012 гг., судя по всему, уже пройден [Средний класс, 2016: 307]. Проявлением этого является, в частности, фиксируемый во всероссийских опросах ИС РАН рост «спроса на перемены»: если в 2012 г. доля считающих, что «страна нуждается в существенных переменах», составляла лишь 28% (самый низкий показатель с 1999 г.), то к осени 2016 г. он поднялся до 39%, а к весне 2017 г. — до 44%. (Правда, доля тех россиян, которые полагают, что «страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены», хотя и уменьшилась с 72% в 2012 г. до 56% в 2017 г., но все же преобладает.) Можно ожидать начала новой «волны» протестов, тем более что резонансный повод налицо — в 2018 г. ожидаются выборы президента РФ, появляется «окно возможностей» для критики политики федерального правительства. Действительно, первая половина 2017 г. показала, что протестные выступления (в частности, движение против реновации пятиэтажек в Москве) имеют тенденцию «оживать» после затяжного спада 2014—2016 гг., хотя им очень далеко до прежней массовости. В этой связи принципиально важно, в каких случаях и насколько россияне готовы лично участвовать в ожидаемых протестных выступлениях.

Всероссийский опрос весной 2016 г. показал, что наиболее актуальным поводом для протеста могут стать «защита экономических и социальных прав граждан» и «нарушения закона местными властями и правоохранительными органами» (табл. 10). В первом случае выйти на митинги и демонстрации в той или иной степени готовы 29% всех россиян, в том числе 30% из низко- и среднедоходных групп, но заметно меньше — 21% — из высокодоходной группы. Во втором случае доля общая доля готовых к протесту чуть ниже (27%), но зато больше решительных — тех, кто «безусловно» готов (10% представителей низкодоходной группы, 7% среднедоходной

¹⁵ Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад Института социологии Российской академии наук (2014) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/01/22/1137785882/full.pdf> (дата обращения: 04.08.2017).

и 5 % высокодоходной). Правда, и в этих случаях многократно больше тех россиян, кто безусловно не готов «выйти на площадь» (около 40 % во всех группах).

Таблица 10. Мнения россиян о возможном личном участии в массовых выступлениях, весна 2016 г., %

Виды протестных выступлений	Ответы «Безусловно, да» и «Скорее да»				
	Средние слои	Низко-доходная группа	Низшая средне-доходная группа	Высшая средне-доходная группа	Высоко-доходная группа
Митинги и демонстрации в защиту экономических и социальных прав граждан	30	30	32	26	21
Митинги и демонстрации в знак протеста нарушений закона местными властями и правоохранительными органами	26	30	28	23	23
Митинги и демонстрации в защиту местных жителей, против наплыва мигрантов	21	24	21	20	15
Митинги и демонстрации в защиту демократических прав и свобод (свобода слова, собраний, шествий и т. п.)	19	17	19	18	12
Митинги и демонстрации в поддержку местных и федеральных властей	13	10	12	12	11
Митинги и демонстрации в поддержку оппозиционных партий и движений	6	6	7	7	8

Наиболее политизированный лозунг «поддержки оппозиционных партий и движений» оказался самым непопулярным поводом: выходить на митинги и демонстрации в поддержку оппозиционеров готовы лишь 6 % низко- и среднедоходных групп (среди них «безусловно» готовы только 1 %), а также 8 % высокодоходной группы (включая лишь 3 % «безусловно» готовых). Доля же тех, кто категорически не хочет участвовать в массовых протестных акциях в защиту оппозиции, во всех группах превышает 50 %. Хотя «поддержка местных и федеральных властей» тоже относится к малопопулярным поводам для участия в массовых выступлениях, но и по такому поводу готовы участвовать в митингах и демонстрациях по всем социальным группам в полтора-два раза больше людей, чем в поддержку оппозиции.

Таким образом, в современной России хотя и есть существенный потенциал политического протеста (самый высокий — у низкодоходной группы), но он очень слабо связан с поддержкой оппозиционных партий и движений. Важно отметить, что стабилизирующая роль средних слоев при анализе готовности россиян участвовать в митингах и демонстрациях практически не заметна: чаще всего люди со средними доходами занимают промежуточную позицию между наиболее «революционной» низкодоходной группой и наименее склонной к протесту группой с высокими доходами. По поводу «защиты экономических и социальных

прав граждан» нижняя среднедоходная группа даже оказалась самой склонной к протесту (32%).

Сформулируем теперь финальные выводы о перспективах развития социально-политической активности среднедоходных групп россиян.

1. По уровню общего интереса к политике, который является индикатором политической включенности (и, следовательно, потенциальной готовности к мобилизации), средние слои (67% интересующихся политикой) занимают промежуточную позицию между низкодоходной группой (62%) и высокодоходной группой (30%). В то же время среди средних слоев больше всего тех, кто проявляет более глубокий интерес к политической жизни («внимательно следит» за событиями).

2. По показателям потенциальной готовности к политическому активизму в ответ на ущемление их прав средние слои практически не отличаются от других социальных групп и слоев, в данном аспекте российское общество высоко гомогенно. Следует подчеркнуть, что наибольшей популярностью среди людей со средними доходами пользуется, судя по опросам, такой законопослушный метод, как обращение в органы власти с петициями (20%), в то время как правомерность вооруженного сопротивления признается очень редко (2%).

3. По потенциальной готовности участвовать в митингах и демонстрациях по различным поводам (прежде всего — в защиту социально-экономических прав и против нарушений местных властей) представители среднедоходной группы занимают промежуточную позицию между наиболее радикальной низкодоходной группой и наименее склонной к протесту высокодоходной группой.

Социально-политическая гетерогенность российского среднего класса

В табл. 11 дана сводка выявленных (в основном по данным опроса весны 2016 г.) характеристик социально-политической активности российских среднедоходных слоев.

Итак, анализ данных общероссийских опросов показывает, что среднедоходные слои в современной России пока не выполняют ожидаемой функции политического стабилизатора. На основе общей теории среднего класса ожидается, что эти слои будут проявлять наиболее высокую социально-политическую активность, направленную на конструктивные цели — на позитивное взаимодействие гражданского общества с государством, на «гашение» радикального протеста людей с низкими доходами. На самом деле более высокий уровень реальной включенности в сети социального взаимодействия и политического участия по сравнению с остальной частью населения демонстрирует не среднедоходная, а высокодоходная группа россиян.

В то же время не подтвердились и опасения, связанные с моделью Олсона-Хантингтона, что средние слои окажутся генератором радикализма. В современной России люди со средними доходами занимают, как правило, промежуточную позицию между политически наиболее активной и умеренной высокодоходной группой, с одной стороны, и политически наименее активной группой с низкими доходами, представители которой чаще склонны к радикально-протестным настроениям.

Для наиболее точной интерпретации полученных результатов следует вспомнить, что хотя сравнивались три доходные группы (низко-, средне- и высокодо-

ходные россияне), фактически речь шла о двух классах — низшем и среднем. Ведь группа с высокими доходами, представители которой демонстрируют наилучшее соответствие роли социально-политического стабилизатора, — это не верхний класс в собственном смысле слова, не богатая элита (такие люди, составляющие не более 5% россиян, в массовые опросы, как правило, вообще не попадают), а верхняя часть все того же среднего класса. В последние годы среднемесячный доход выше 45—50 тыс. руб. (т. е. превышающий удвоенный общероссийский медианный уровень, а именно таков используемый в данной статье критерий высокодоходной группы) соответствовал уровню жизни, например, вузовских преподавателей или бизнес-менеджеров среднего звена.

Таблица 11. **Сводные характеристики социально-политической активности среднедоходных слоев в современной России**

Характеристики социально-политической деятельности	Роль среднедоходного слоя		
	стабилизирующая	промежуточная	дестабилизирующая
Отчуждение от власти (признание невозможности влиять на политику)	Не проявляется	У высшей подгруппы среднедоходного слоя уровень отчуждения ниже, чем у более бедных россиян, ближе к высокодоходному слою, у которого самое низкое отчуждение	По возможности влиять на региональные и муниципальные власти средние слои в целом имеют такие же низкие показатели, что и низкодоходный слой; у нижней подгруппы среднедоходного слоя — самый высокий уровень отчуждения
Включенность в сети социального взаимодействия (участие в общественных организациях, объединениях и сообществах)	В некоторых общественных организациях редкого участия средние слои участвуют чаще, чем высокодоходные и низкодоходные	Средние слои в целом промежуточны между низкодоходным и высокодоходным слоем	Не проявляется
Политический активизм (участие в политической жизни)	По участию в выборах в качестве избирателей среднедоходный слой активнее высокодоходного	Средние слои в целом промежуточны между низкодоходным и высокодоходным слоем	Не проявляется
Мотивация социально-политического активизма	Качественные различия между разными социальными слоями не прослеживаются		
Политическая включенность (интерес к политике)	В средних слоях чаще, чем в низко- и высокодоходных, проявляют более глубокий интерес к политике	Средние слои в целом промежуточны между низкодоходным и высокодоходным слоем	Не проявляется
Потенциальная готовность к политическому активизму в ответ на «вызов»	Качественные различия между разными социальными слоями не прослеживаются		

Характеристики социально-политической деятельности	Роль среднедоходного слоя		
	стабилизирующая	промежуточная	дестабилизирующая
Потенциальная готовность к участию в массовых протестных выступлениях	Не проявляется	Средние слои в целом промежуточны между низкодоходным и высокодоходным слоем	Низшая подгруппа среднедоходного слоя наиболее склонна к протесту для «защиты экономических и социальных прав граждан»

Следовательно, ранее сформулированный вывод следует интерпретировать так, что роль социально-политического стабилизатора в современной России наиболее последовательно выполняет только высшая страта среднего класса. В то же время две другие — численно преобладающие — страты среднего класса, образующие среднедоходные слои (это люди со среднемесячными доходами порядка 20—45 тыс. руб. по состоянию на 2016 г.), роль стабилизатора сочетают с ролью дестабилизатора, причем дестабилизирующая роль сильнее заметна у низшей страты среднего класса. Такая неартикулированность («размытость») социально-политических характеристик подтверждает точку зрения (см., например, [Тихонова, Мареева, 2009: 287—288]) о недоформированности российского среднего класса как особого массового социального субъекта. Это пока еще больше «класс в себе», чем «класс для себя».

Список литературы (References)

- Бауман З. Индивидуализированное общество // пер. с англ. под ред. В. Иноземцева. М. : Логос. 2002.
- Bauman Z. (2002) The Individualized Society. M.: Logos. (In Russ.)
- Волков Д., Колесников А. Самоорганизация гражданского общества в Москве. Мотивы, возможности и пределы политизации. М. : Московский Центр Карнеги. 2016.
- Volkov D., Kolesnikov A. (2016) Self-organization of civil society in Moscow. Motives, opportunities and limits of politicization. Moscow: The Carnegie Moscow Center. (In Russ.)
- Гловели Г. Д. Экономическая история : Учебник для бакалавров. М. : Издательство Юрайт : ИД Юрайт. 2009.
- Gloveli G. D. (2014) Economic history: bachelor's textbook. M.: Izdatel'stvo YURAIT. (In Russ.)
- Зайцев Д. Г., Карастелев В. Е. Протестное движение в России 2011—2012 годов: проблема субъектности // Государство и общество в пространстве политических коммуникаций. Политическая наука. Ежегодник 2013. 2013. С. 231—266.
- Zaitsev D. G., Karastelev V. E. (2013) Protest movement in Russia 2011—2012: the problem of subjectivity. In: State and society in the space of political communications. Political science. Yearbook 2013. P. 231—266. (In Russ.)
- Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса. М. : Алгоритм : Эксмо, 2012.
- Kagarlickij B. Yu. (2012) The revolt of the middle class. M.: Algoritm: Eksmo. (In Russ.)

Коротаев А., Васькин И., Билюга С. Гипотеза Олсона — Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 1. С. 9—49. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-1-9-49>.
Korotaev A., Vas'kin I., Bilyuga S. (2017) Olson-Huntington Hypothesis on a Bell-Shaped Relationship Between the Level of Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Quantitative Analysis. *Sociologicheskoe obozrenie*. T. 16. No. 1. P. 9—49. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-1-9-49>. (In Russ.)

Лескина О. Н. Средний класс как фактор устойчивости социально-экономической системы : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. Тамбов. 2005. 184 с.
Leskina O. N. (2005) The middle class as a factor of sustainability of the socio-economic system. Dis. ... cand. of econ. sciences: 08.00.01. Tambov. 184 p. (In Russ.)

Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Экономическая история России (опыт институционального анализа) : учебное пособие. 2-е изд., перераб. М. : КНОРУС, 2017.
Nureev R. M., Latov Yu. V. (2017) Economic history of Russia (experience of institutional analysis): a textbook. 2-nd ed. M.: Konkurs. (In Russ.)

Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. М. : Академический проект. 2002.
Ol'shanskij D. V. (2002) Political and psychological dictionary. M.: Akademicheskij projekt. (In Russ.)

Петухов В., Петухов Р. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 25—49. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.04>.
Petukhov V., Petukhov R. (2015) Participatory Democracy: Institutional Crisis and New Prospects. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 25—49. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.04>.

Практики формирования и отстаивания общественных интересов: опыт регионов России [Электронный ресурс] / под ред. В. Н. Якимца, Л. И. Никовской, А. В. Соколова. Ярославль : ИП Дурынин В. В. 2014. URL: http://www.fsrgo.ru/files/praktika_formirovaniya_i_otstaivaniya_obshestvennih_interesov_oput_regionov_rossii.pdf (дата обращения: 04.08.2017).
The practice of developing and defending the public interest: the experience of Russian regions. (2014) Ed. By Yakimec et al. Available at: http://www.fsrgo.ru/files/praktika_formirovaniya_i_otstaivaniya_obshestvennih_interesov_oput_regionov_rossii.pdf (accessed: 04.08.2017). (In Russ.).

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. М. : Весь мир, 2017.
Russian society and challenges of the time. Book Five. (2017) Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov. M. : Izdatelstvo VES' MIR. (In Russ.).

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2016.

Middle class in modern Russia. Experience years of research (2016)/ Ed. By M.K. Gorshkov, N. E. Tihonova M.: Ves' Mir. (In Russ.).

Тихонова Н. Е. Средний класс как гарант стабильности и основа для консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / под ред. М. К. Горшкова. М. : Новый хронограф. 2010. С. 38—61.

Tikhonova N. E. (2010) Middle class as the guarantor of stability and the basis for consolidation of Russian society. In: Social factors of the consolidation of Russian society: the sociological dimension. Ed. By M. K. Gorshkov. M.: Novyj hronograf. P. 38—61. (In Russ.).

Тихонова Н. Е., Мареева С. В. Средний класс: теория и реальность. М. : Альфа-М, 2009.

Tikhonova N. E., Mareeva S. E. (2009) Middle Class: Theory and Reality. Moscow: Al'fa M. (In Russ.).

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М. : Прогресс-Традиция. 2004.

Huntington S. (2004). Political Order in Changing Societies. M.: Progress-Tradiciya. (In Russ.)

Яницкий О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф. 2013.

Yanickij O. N. (2013) Social movements: theory, practice, perspective. M.: Novyj hronograf] (In Russ.)